

Westernization as a civilizational threat to Russian reforms

Вестернизация как цивилизационная угроза российским реформам

Dmitriy Georgievich Loschakov,
Ph.D, docent of the Department
of Sociology and Political Science of Moscow Po-
lice University named by V.Ya. Kikot
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и политологии Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Annotation. This article is about methodological bases of the concept of modernization, the problem of interdependence of modernizational and Westernization of modern Russian society from the standpoint of compatibility of Russian and Western systems of values in life

Keywords: modernization, Westernization, Russian modernization, liberal model of Westernization, cultural paradigm, compatibility of cultural paradigms, Western and Russian systems of values in life

Аннотация. Рассматриваются происхождение и методологические основания концепции модернизации, проблема взаимообусловленности модернизации и вестернизации для современного российского общества под углом зрения совместимости отечественной и западной систем жизненных ценностей.

Ключевые слова: модернизация, вестернизация, российская модернизация, либеральная модель модернизации, культурная парадигма, совместимость культурных парадигм, западная и российская системы жизненных ценностей

«Модернизация и вестернизация»... насколько они неразрывны и взаимообусловлены? Эта проблема, поставленная в известных работах Ф. Фукуямы, З. Бжезинского и С. Хантингтона¹, является весьма актуальной для современной России. Прошедшая после распада СССР четверть века показала, насколько тяжело и неоднозначно прививаются на российской почве прозападные либеральные модели экономического и политического развития.

В чем причина этих трудностей и является ли копирование опыта модернизации западных стран единственно возможным способом обновления российского общества: реконструкции его материально-технической базы, создания современной системы социального управления, подготовки кадров и т.п.? Другими словами, является ли вестернизация обязательным условием российской модернизации?

Представляется, что ответ на этот вопрос следует искать не в сфере высоких производственных, маркетинговых или политических технологий, а в области духовной культуры. В основе проблемы «вестернизации и модернизации» лежит проблема совместимости западной и российской систем жизненных ценностей.

Отечественная история Нового и Новейшего времени накопила достаточно наглядный опыт сопряжения

западной и российской систем ценностей, имевших место в ходе неоднократных попыток модернизации, ориентиром которых всегда выступали западные порядки. Часть этих попыток была успешной – Россия приближалась и даже вставала на один уровень с развитыми западными странами по таким важным показателям, как объем промышленного производства, научный, военный, образовательный потенциал. Вместе с тем очевидно также и то, что результаты этих модернизаций всегда носили половинчатый, незавершенный характер и никогда «не дотягивали» до западного «образца».

На протяжении веков, начиная с реформ Петра I, реформаторы и революционеры пытались внедрить в российском обществе западные ценности и образцы поведения и каждый раз наталкивались на их массовое неприятие, отторжение, следствием которых становилось искажение тех самых ценностей и образцов поведения.

Недавние реформы 1990-х гг. по глубине и масштабу социальных сдвигов были одними из самых радикальных, но и они не стали исключением из правила – экономическая и политическая демократия упорно не хотят прививаться на российской почве, приобретая подчас извращенные, крайне нецивилизованные формы или превращаясь в подобие ритуальных действий, под прикрытием которых происходят совсем иные процессы.

В чем причина такого неприятия западных моделей развития? Одни, по сложившейся либеральной традиции, видят ее в отсталости и консервативности России, в силу которых наша страна обречена на так называемое «догоняющее развитие». Другие – в том, что реформы сориентированы не на те составляющие западной культуры, в то время как «заимствовать надо только лучшее и передовое». Третьи выражают сомнение в самой совместимости этих систем культурных ценностей. Не пытаясь сразу включаться в эту полемику, посмотрим на методологические основания обозначенных позиций.

Современные либеральные представления о модернизации, в том числе пропагандируемые в российском обществе, при всей их внешней непротиворечивости в действительности находятся на уровне обыденных стереотипов и эксплуатируют весьма упрощенные мировоззренческие представления прошлых веков. Они восходят к метафизическому рационализму XVII—XVIII вв. с его линейной моделью мировой истории и механистическими представлениями об обществе.

За последние 200—300 лет изменилось и само общество, и его научный образ – на смену механическим

представлениям о социуме пришло его системное видение, а линейные модели истории уступили место более сложным нелинейным представлениям. Однако стереотипы прошлого все еще сохраняют влияние среди определенной части ученых и политиков, которые продолжают убеждать население в том, что «не стоит изобретать велосипед», раз западные страны уже нашли решение этих проблем, или рассуждают о том, что *следует* взять из западной культуры, а что брать *не следует*.

Теория модернизации, сложившаяся в западной науке уже в XX в., так и осталась в рамках линейных представлений о мировой истории. Она проделала определенную эволюцию, признав некоторое разнообразие путей и способов модернизации, но при этом сохранила неизменными свои конечные цели, которые, как и прежде, рисуют некую усредненную модель современного западного общества. Но является ли западная культурная парадигма столь универсальной и исторически неизбежной?

Современная наука говорит о том, что каждой исторической эпохе, общественному строю, народу, типу культуры присуща своя социально-культурная система жизненных ценностей (культурная парадигма), которая определяет основные способы взаимодействия людей с миром и обеспечивает целостность и динамику общественного воспроизводства на определенном отрезке исторического времени. Данная система жизненных координат определяет общее отношение людей к миру (жизни, смерти, природе, труду, другим людям), которое затем трансформируется в мотивы их поведения².

Названная культурная парадигма представляет собой многослойную структуру, уходящую корнями в историческое прошлое. Глубинные уровни этой структуры являются определяющими, но они чаще всего скрыты, явно не артикулированы, что легко создает иллюзию их отсутствия или неразвитости и рождает соблазн привнести что-то новое и разумное из других стран или культур.

Отечественная и западная системы жизненных ценностей имеют разные культурно-исторические корни — православие и протестантизм, реализуют, разные типы отношений к миру, к Богу, к государству и другим людям, но каждая из этих систем представляет собой целостное образование, все составляющие которого взаимно увязаны и предполагают друг друга.

Насколько совместимы разные культурные парадигмы? Что происходит, когда в рамках одной социально-культурной системы совмещаются элементы различных культурно-исторических типов? Каковы пределы такого совмещения и его возможные социальные последствия?

В современной теории инноваций главным фильтром на пути внедрения новшеств считается их *совместимость с существующей культурой*. Если новшества вступают в конфликт с существующей культурой, они либо просто отвергаются обществом, либо, уступая давлению, принимаются вместе с их конфликтными чертами, которые время от времени вызывают протест,

что делает нововведения неустойчивыми. Так было, например, в период реформ Петра I, когда европейские обычаи и традиции силой внедрялись в российскую повседневную жизнь.

Однако возможно и иное развитие событий, когда заимствованная извне система ценностей с течением времени перерождается и, сохраняя внешнюю форму, наполняется иным содержанием, характерным для традиционной культуры данного общества. Что-то похожее произошло в процессе адаптации теории К. Маркса на российской почве. Классический марксизм был продуктом чисто западной культуры (рационализм, экономическая и иная целесообразность и т.п.). По характеру решаемых задач и предлагаемым для этого средствам он явно не соответствовал исторической ситуации в крестьянской стране, которая еще не освободилась от остатков крепостного права. Но западный марксизм был адаптирован к российским культурным традициям и стал выполнять функции социального мифа в руках новой радикальной политической группировки, в качестве которой в те времена выступали большевики³.

Изучение структуры и взаимодействия культурных парадигм имеет свои наработки как в западной, так и в отечественной науке. В российской общественной мысли наиболее плодотворным в этом отношении стал XIX в., когда мыслящая часть общества решала вопрос о выборе пути развития. Полемика западников и славянофилов первой трети столетия положила начало сравнительному исследованию западной и восточной (т.е. российской) систем ценностей, и уже в 1871 г. появляется фундаментальный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», предложившего первую нелинейную модель мировой истории⁴.

В советское время проблема противостояния российской и западной систем культурных ценностей была переведена в плоскость идеологической полемики по поводу преимуществ социалистического общественного строя перед капиталистическим, советского образа жизни перед буржуазным, активной жизненной позиции советского человека перед потребительской психологией человека западного.

Сегодня проблема совместимости российской и западной систем жизненных ценностей вновь обрела актуальность. Опыт радикальных российских реформ последних двух десятилетий не только наглядно продемонстрировал конфликтный характер многих западных новшеств, но и заставил задуматься над возможностью более драматического развития событий.

Может ли заимствование культурных ценностей, привнесенных извне на чуждую им культурно-историческую почву, привести к деградации общества? На этот вопрос трудно ответить сразу и однозначно, но в любом случае такое развитие событий исключить нельзя. Любая культура представляет собой целостное образование, и как целостный организм взаимодействует со всеми нововведениями, отторгая их или «переваривая» в соответствии со своим культурно-историческим кодом. Однако нормальное *пищеварение* требует времени, т.е. предполагает эволюционные

процессы. Если же культурные новации внедряются радикальными методами и общество переводится на *принудительное питание* продуктами чужой культуры, неизбежны социальные болезни и кризисы.

Опыт многих стран, прошедших процесс радикальной модернизации по западному образцу, показывает, что рыночная экономика и политическая демократия приобретают цивилизованные формы лишь в *родной* культурной среде – при наличии населения с соответствующей шкалой жизненных ценностей. Будучи перенесены на иную культурную почву, западные модели легко теряют «человеческое лицо» и способны оказывать деструктивное влияние на все уровни общественной системы.

Симптомы такого деструктивного влияния мы наблюдаем на протяжении всего периода новейших российских реформ⁵. Российское население вопреки пропагандистским мифам никогда особенно не любило свое государство и не упускало возможности пожить за его счет. В советские времена стремление граждан «перехитрить систему»⁶ приобрело широкие масштабы в период застоя. Это стремление проявлялось в разных формах: от мелкого воровства по месту работы и поиска лазеек в существующем законодательстве до преднамеренных и организованных противоправных действий. Однако в советское время это явление не наносило критического ущерба социальному строю. «Двойное сознание» и повышенное внимание к формальной стороне поведения было типичным и для широких масс населения, и для самой партийно-хозяйственной элиты.

Однако с началом радикальных реформ 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Внедрение явочным порядком западных моделей в сферу экономики и политики, с одной стороны, открыло новые конструктивные возможности для выхода российского общества из политического и экономического кризиса, но с другой — резко увеличило цену за злоупотребления этими новыми возможностями.

Неудивительно, что в 1990-е гг. в условиях приватизации и развития рыночных отношений «паразитическая новация» расцвела пышным цветом и стала представлять реальную угрозу общественной системе. Значительная доля активного населения старалась достичь своих личных целей не «благодаря», а «вопреки» системе, по принципу «хапнул – и бежать». Большинство предпринимателей открывали дело с расчетом на быструю прибыль, а не на долговременные вложения; массы людей, включая учащихся и пенсионеров, были вовлечены во все виды незаконной торговли, контрабанды, уклонения от налогов и других гражданских обязанностей. Показательно, что такое поведение нередко воспринималось окружающими с одобрением и даже с завистью по отношению к тем, кому удавалось перехитрить систему.

Радикальное внедрение механизмов рыночной экономики и политической демократии оказало свое разлагающее влияние и на саму «систему» — на российскую политическую и финансовую элиту, которая

начиная с 1990-х гг. неоднократно и демонстративно использовала новые возможности рынка и демократии в своих узкокорпоративных интересах. Утрата населением своих сбережений, антинародный характер ваучерной приватизации и дефолт 1998 г. — наиболее яркие тому подтверждения.

За годы реформ российское общество испытало на себе не только возможности западной рыночной экономики и политической демократии, но и «преимущества» западной системы подготовки кадров, к которой наша страна стала приобщаться в ходе реформы образования, направленной на интеграцию России в единое общеевропейское образовательное пространство.

Очевидно, что российская система образования нуждалась в перестройке – но на каких условиях, на базе каких ценностей? «Болонский процесс», нацеленный на создание системы универсального образования на европейском континенте, естественным образом исходил из своих собственных, западных традиций и наработок в этой области, которые в большинстве своем значительно расходились с российскими образовательными традициями.

Первые результаты реформы российского образования не очень обнадеживают. Модульная система обучения, с одной стороны, способствовала усилению практической, профессиональной направленности учебного процесса, но, с другой — привела к резкому сужению, а местами и исключению его социального содержания. Последняя тенденция как-то не очень монтируется с официально провозглашенным курсом на модернизацию, предполагающим наличие в обществе активной массы людей, способных мыслить широко, нестандартно и с учетом интересов социума.

Наложение западной двухуровневой квалификации высшего образования (бакалавр / магистр) на традиционную российскую (дипломированный специалист) привело к тому, что диплом бакалавра воспринимается в российском обществе не столько как самостоятельный образовательный статус, сколько как этап незавершенного образовательного процесса. Первые выпуски бакалавров и сами чувствуют себя «недоучками», и воспринимаются таковыми работодателями. Стоило ли ломать сложившиеся и отработанные многими поколениями отечественные образовательные традиции во имя таких же, но выросших в рамках другой, во многом отличной от России западной культуры?

Фундаментальные истоки западной системы ценностей, связанные с принципами гуманизма и нормами протестантской этики, сегодня во многом оказались забыты, во всяком случае, перестали быть всеобщими. Современная система западных ценностей применима к ограниченному числу стран, имеющих общие культурно-исторические корни⁷. Эта система ценностей является откровенно корпоративной – гарантии высокого уровня жизни и гражданских свобод в отношении своего населения сопровождаются игнорированием таких же прав и свобод других народов, не входящих в майн-стрим интеграционных процессов или не разделяющих систему западных ценностей.

В современном западном обществе произошло забвение своих культурных истоков и их подмена промежуточными приоритетами (вроде высокого уровня жизни, рынка в экономике и демократии в политике), которые не являются самостоятельными, а, скорее, выступают средствами достижения вполне определенных государственно-корпоративных целей.

Российское общество в отличие от западного индивидуализма и корпоративизма всегда держалось на коллективности (общинности, соборности), которая в трудные времена объединяла в одно целое все слои населения и социальные институты общества. К сожалению события последнего столетия оказали на эти качества разрушительное воздействие. На протяжении XX в. российская система ценностей претерпела два радикальных исторических слома⁸: (1) в начале века, при переходе от дореволюционной России к советской, и (2) в конце века, в ходе реформ 1990-х гг.

В результате вот уже более 20 лет российское общество пребывает в состоянии ценностного вакуума, или социальной аномии. Несовпадение базовых жизненных ценностей у разных слоев населения приводит к тому, что процессы кооперации и сотрудничества, столь необходимые для модернизации страны, не являются сегодня доминирующими в российском обществе⁹. Отсутствие общенационального единства и неоднородность в социокультурном отношении являются главным препятствием на пути модернизации России.

Может ли западная система ценностей заполнить этот мировоззренческий вакуум и сыграть роль общенационального российского интегратора? Очевидно, что нет. Весь опыт российской истории говорит прямо об обратном: Россия обречена искать свой собственный путь развития – ее культурный генотип слишком своеобразен. Не внешние заимствования, а возрождение отечественной системы базовых жизненных ценностей

является ключевым звеном решения всех российских проблем.

Прошедшие четверть века показали, что главным тормозом российских реформ является не столько отсталость и неготовность российского общества к модернизации как таковой, сколько та форма (прозападная, «вестернизированная»), в которой эти реформы осуществляются. Вестернизация оказывает деструктивное, разрушительное влияние на российское общество и представляет угрозу для его цивилизационной и культурной идентичности.

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии, 1990, № 3; Он же, Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

² Этот механизм более ста лет назад был обстоятельно исследован М. Вебером.

³ Механизм этого идеологического превращения хорошо описан Н.А. Бердяевым в его книге «Истоки и смысл русского коммунизма».

⁴ Проблемы совместимости систем западной и отечественной культурных ценностей так или иначе затрагивались представителями всех общественно-политических течений XIX в., включая представителей первой волны русской эмиграции.

⁵ См.: Латин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социол. исслед. 2011. № 9.

⁶ Это явление получило в литературе название «паразитическая новация». См., например: Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. С. 308—309.

⁷ Попытки внедрения политической демократии во многих странах Азии и Африки привели к установлению там жестких диктаторских режимов.

⁸ См.: Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Социол. исслед. 1997. № 4. С. 74—76.

⁹ См.: Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // Социол. исслед. 2010. № 7.